

Н.В. Самсонов

История эстетических учений

Часть 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н.В. Самсонов**
История эстетических учений: Часть 1-2 / Н.В. Самсонов – М.: Книга по Требованию,
2024. – 346 с.

ISBN 978-5-458-54292-0

ISBN 978-5-458-54292-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

того, что даетъ жизнь, отрицаетъ всякую эстетику. „Прекрасно только то, что нравится намъ, всѣ разнообразнѣйшія понятія о красотѣ одинаково законны — этимъ эстетика разсыпается въ прахъ“. Отсюда знаменитое сопоставленіе Бетховена съ извѣстными въ свое время маркеромъ и „сапоги выше Пушкина“. Еѣлинскій во второй періодъ своей дѣятельности придалъ эстетической критикѣ направленіе, которое ведетъ непосредственно если не къ отрицанію, то къ забвенію серьезнаго научнаго метода въ области эстетики. Чернышевскій, напротивъ, защищаетъ необходимость чисто философскаго разсмотрѣнія эстетическихъ вопросовъ: „не могутъ не имѣть высокаго значенія и вопросы о томъ, что такое искусство, что такое поэзія“; онъ выступаетъ съ требованіемъ научности, философіи, но нечаянно, какъ бы обмолвившись, добавляетъ: „ е с л и е щ е с т о и т ъ г о в о р и т ь о б ъ э с т е т и к ѣ “ Писаревъ освобождаетъ эту затаенную мысль Чернышевскаго отъ всякихъ оболочекъ: — н е с т о и т ъ г о в о р и т ь о б ъ э с т е т и к ѣ. Напрасно выступалъ въ защиту эстетики противъ духовныхъ вождей 60-хъ годовъ забытый нынѣ врачъ-публицистъ Н.Соловьевъ*), не оказала замѣтнаго вліянія знаменитая статья Достоевскаго противъ Добролюбова (Г.-Еовъ и вопросъ объ искусствѣ). Стрипаніе эстетики и утилитарный взглядъ на искусство вѣѣлись въ плоть и кровь русскаго общества. Вотъ почему, хотя время наше и далеко ушло отъ прежнихъ тенденцій, намъ въ особенности слѣдуетъ за-

*) „Искусство и жизнь“ въ 3-хъ томахъ. Н.1869.

даться вопросом о миссии искусства и значении науки о немъ.

Наука объ искусствѣ - одна изъ философскихъ дисциплинъ. Философія же - это стремленіе человѣка, „единственнаго“, по выраженію Шопенгауэра, „метафизическаго существа на землѣ“, - всесторонне осмыслить сущее, исканіе значенія, связи, смысла, цѣнности бытія вселенной и человѣка; и это „стремленіе къ другому берегу“ (Нипше) ведетъ человѣчество по неисчислимымъ и неисповѣдимымъ путямъ, Шопенгауэръ называетъ свою философію „стовратими Фивами“, ибо къ ней ведетъ не только его метафизика воли, непосредственное соприкосновеніе съ міровою основой, непосредственное переживаніе ея въ нашемъ внутреннемъ сокровенномъ „я“, погруженіе въ сущность всѣхъ вещей, - но и созерцаніе внѣшняго покрыва воли, Майи, вещей въ „движущемся образѣ вѣчности - времени“ (Платонъ) и въ пространствахъ. Терзаетъ ли человѣка тоска по лучшему, тянется ли растеніе къ свѣту - одинаково за этимъ кроется слѣпое, безудержное влеченіе къ жизни, воля къ жизни. Но не только Шопенгауэрова - всякая философія - Стоватрия Фивы, и многіе пути ведутъ въ нихъ. Великій аѳинскій мудрецъ философствовалъ „повивая“; и начиная съ неизмѣнныхъ томительныхъ бесѣдъ о излюбленныхъ имъ чеботаряхъ, плотникахъ, кормчихъ, проведя своихъ собесѣдниковъ чрезъ безконечныя нудныя „да“, „согласился“, „какъ же иначе“, Сократъ умѣлъ пробуждать въ сердцахъ людей священный „эросъ“, раздувалъ въ нихъ пламя стремленія къ добру и истинѣ. „Молотомъ“ философствовалъ больной сомнѣніями и мятежнымъ духъ Нипше. Богоисканіе, оправданіе добра - путь мистика. Минуя и осторожно

обходя всякія цѣнности, въ отрицаніи всякихъ цѣнностей усмотрѣвъ цѣнность общаго и формальнаго ученія о познаніи, какъ бы изъ засады, съ тылу, хочеть подобраться къ истинѣ философіи „чистаго опыта“ (Авенариусъ). Пока живо самое исканіе, самый „эросъ“, философская любовь, паломникъ въ Страватія Бивн мудрости не устаеъ искать дороги. Лишь въ лабиринтѣ мертвящихъ душъ „книгъ и системъ“ (выраженіе Канта и вслѣдъ за нимъ Авенариуса) гаснетъ въ рукахъ у путника свѣтильникъ „Эроса“; и на этомъ пути подстерегаетъ философа смерть. И вотъ на протяженіи многихъ столѣтій видимъ мы, какъ многіе изъ этихъ паломниковъ въ исканіяхъ своихъ свертываютъ порокъ съ двухъ главныхъ многочелюдныхъ дорогъ — Добра и Истины — на менѣе проторенную, менѣе людную тропинку, зато пролегающую среди красотъ природы. И въ красотѣ хотять они послѣдичъ и истину и добро. Т е н ь въ чтеніяхъ о искусствѣ говоритъ, что „религія, философія и искусство — разныя формы отвѣтовъ на одни и тѣ же вопросы“. И Г е т е въ „Ксеніяхъ“ говоритъ: „кто обладаетъ наукой и искусствомъ, у того есть религія; кто не обладаетъ ими, пусть пріобрѣтетъ религію“. Б е т х о в е н ь въ одномъ изъ своихъ писемъ совѣтуетъ проникать въ самую глубину искусства: „оно заслуживаетъ этого, потому что искусство и наука возвышаютъ человѣка до Божества“. Платонъ въ „Федрѣ“, излагая мнѣе о странствіи душъ, влекомыхъ крыльями (философской любовью, эросомъ), въ надзвѣздныхъ сферахъ, говоритъ: — сила крыльевъ по природѣ своей поднимаетъ тяжесть вверхъ и направляетъ ее туда,

гдѣ обитаютъ небожители. Изъ вещей тѣлеснаго міра крылья всего болѣе причастны божественному. А божественное - п р е - к р а с н о , м у д р о и б л а г о . . . И у причастной красотѣ, истинѣ, благу души вырастаютъ крылья; но гибнуть они, лишенныя божественнаго начала. Перефразируя Канта, мы можемъ сказать: звѣздное небо надъ нами, возвышенное и прекрасное въ природѣ и искусствѣ, не менѣе, чѣмъ нравственный законъ въ насъ, пробуждаетъ въ сердцахъ нашихъ философскую любовь.

Въ искусствѣ, въ прекрасномъ хотимъ мы обрѣсти живую струю философствованія, искренне и по внутреннему побужденію ввести въ мышленіе ц ѣ н н о с т ь , какъ исходную точку; ибо безъ этого нельзя и философствовать. Въ рѣзкой и исключительной формѣ мысль эта выражена въ одномъ изъ посмертныхъ сочиненій Шопенгауэра: „Мотивъ философствованія у человѣка, какъ вообще во всемъ, эгоистическій. Если онъ узналъ бы съ достоверностью, что смерть превращаетъ его въ абсолютное ничто; то у него, п о б о л ь ш е й ч а с т и , пропала бы и всякая охота къ умозрѣнію; — человѣкъ скажетъ — nihil ad me". Но можетъ случиться и такъ, что человѣкъ, который сталъ уже равнодушнымъ къ теоріи познанія или къ этикѣ, сохраняетъ еще въ душѣ своей непосредственную непоколебимую сомнѣніями цѣнность — эстетическую, и она то и послужитъ ему исходнымъ пунктомъ мышленія, ибо самый предметъ философствованія будетъ ему тогда дорогъ. Юмъ, послѣ изданія главныхъ своихъ произведеній, утратилъ всякій интересъ къ теоріи познанія, полагая, что теорети-

чески все равно не докажешь существование внѣшняго міра (съ той исходной точки, на которой онъ стоялъ), а практически все равно всякій вѣрить въ него вопреки всякой философіи, - и вотъ Юмъ всецѣло отдается исторіи. Гете остался равнодушнымъ къ главному сочиненію Канта, но былъ восхищенъ его „Критикой способности сужденія“, его эстетикой. Шиллеръ на зѣру, изъ піэте-та, принялъ выводы „Критики чистаго разума“ и никогда не далъ себѣ труда продумать ихъ, а ученіе Канта о прекрасномъ послужило великому поэту толчкомъ для созданія самостоятельной философіи прекраснаго. Можно итти еще дальше: Бѣнъ въ своей классификаціи чувствъ забылъ о религіозныхъ чувствованіяхъ. Быть можетъ нѣкоторые близки по своему духовному складу и къ тому, чтобы забыть и моральныя чувствованія, и далеки отъ „оправданія добра“ и богоискательства. Но эстетическая цѣнность - для многихъ - цѣнность по преимуществу, непоколебленная сомнѣніями и неподлежащая имъ. И люди такого типа будутъ исходить изъ нея въ своемъ философствованіи. - Вы можете сдѣлать серьезное возраженіе, - что въ такихъ разсужденіяхъ истина и добро приносятся въ жертву эстетическому чувству, что мы окружаемъ ореоломъ такъ называемыхъ „эстетовъ“, dilettante, „чувственниковъ“, пользуясь удачнымъ неологизмомъ. Для dilettante жизнь - сцена, дающая ему художественное созерцаніе и наслажденіе, а темныя и мрачныя ея стороны существуютъ лишь для художественнаго контраста. Говорятъ, что Оскаръ Уайльдъ, встрѣтивъ однажды на Лондонскомъ Мосту нищаго въ истасканномъ скруткѣ и высокой старой

шляпѣ, былъ шокированъ отсутствіемъ гармоніи между костюмомъ и профессіей того, кто его носить. Онъ повелъ нищаго къ портному и заказалъ ему одежду бѣдняка. Не насмѣшка ли это надъ священнымъ характеромъ человѣческаго страданія? - „Эстетъ“ въ такомъ крайнемъ выраженіи идетъ въ міръ своею обособленною дорогой. Не къ философу, но именно къ такому dilettante подходитъ характеристика изъ Платонова „Безтета“: - онъ равнодушенъ къ политикѣ, къ родинѣ, онъ не знаетъ дороги на общественную площадь, онъ не знаетъ семейныхъ привязанностей. Одинокъ бредетъ онъ въ міръ, неся въ душѣ красоту. Р и б о въ своей книгѣ „Психологія страстей“ (81 - 86) доказываетъ, что исторически эта болѣзненная страсть, - эстетизмъ, - новаго происхожденія; до 19 вѣка примѣровъ этой страсти почти не находятъ. Почему? Потому что искусство стало для многихъ замѣною ослабѣвшей религіи, со временемъ оно, по мнѣнію нѣкоторыхъ философовъ (напр. Гийо), совсѣмъ вытѣснило религію. Во-вторыхъ, у „эстетовъ“ замѣчена склонность совершенно удаляться отъ активной жизни и погружаться въ міръ фантазіи, чтобы творить или просто отдаваться „игрѣ“ въ качествѣ dilettante. И Гаманъ (Asthetik*), 1912, стр. 42) замѣчаетъ, что эстетизмъ, по существу, есть отвращеніе къ жизни и усматриваетъ, конечно, слишкомъ одностороннимъ образомъ, - причину этой болѣзни „въ слишкомъ большомъ излишкѣ средствъ“. Цѣль нравственнаго стремленія нашего въ томъ, чтобы добро осуществлялось в ъ м і р ѣ , а не въ качествѣ содержанія фантазіи. Поэтому человѣкъ не можетъ считать

*) *Есть русскій переводъ.*

себя достигшимъ нравственной высоты въ своемъ внутреннемъ мірѣ, если онъ удовлетворяется переживаніемъ и созиданіемъ въ своей фантазіи того, что важно для человѣка, что волнуетъ его. Дѣйствительность часто не удовлетворяетъ исключительно эстетическому интересу, она не задрапирована въ художественную мантию, высшія съ моральной точки зрѣнія проявленія духа человѣческаго могутъ часто быть совершенно неинтересными съ чисто эстетической точки зрѣнія. Эстетъ, въ высшей степени чуткій къ художественнымъ интересамъ, можетъ однако остаться безучастнымъ по отношенію къ нравственнымъ интересамъ дѣйствительной жизни, его чувству симпатіи не достааетъ силы перейти въ дѣйствіе. Въ психикѣ эстетовъ можно подмѣтить интересную черту—п р и т у п л е н і е ч у в с т в ѣ, своего рода сплинъ: погруженный исключительно въ эстетическіе интересы, онъ начинаетъ требовать все большей утонченности и сложности и можетъ дойти до утонченнѣйшихъ художественныхъ эффектовъ, граничащихъ съ сферою безобразнаго, неэстетичнаго. „Но удалаться съ поля активной борьбы, замыкаться въ мірѣ художественной фантазіи, убавкивать себя исключительно эстетическимъ созерцаніемъ міра — это значитъ проявлять эгоистическую ограниченность, слабость или слѣпоту. Чваниться такого рода поведеніемъ — преступно" (Липпсъ, Основы этики, 235). Однако можно исходить изъ прекраснаго и не нарушая гармоничнаго развитія духа. Припомнимъ суровый моральный обликъ Бетховена, благородный, свѣтлый духъ Шиллера. Поэтому всѣ

предшествующія разсужденія имѣли въ виду лишь одну основную мысль - эстетика, какъ философская дисциплина, это путь философствованія, о б ъ е к т и в н о равный съ другими, субъективно же, индивидуально, онъ можетъ, въ силу историческихъ, социальныхъ или индивидуальныхъ условій оказаться въ данный моментъ и наилучшимъ. А равенъ объективно съ другими этотъ путь потому, что всѣ философскія дисциплины тѣсно связаны между собою. Ученія того или другого философа объ этикѣ, эстетикѣ, гносеологіи и т.д. обыкновенно бывають озарены однимъ и тѣмъ же свѣтомъ, на нихъ лежитъ одинъ и тотъ же колоритъ, отпечатокъ одного и того же духа. Трудно ожидать, чтобы матеріалистъ въ метафизикѣ сталъ обосновывать свое моральное ученіе на свободѣ воли и безсмертіи души. Непослѣдовательно было бы для атомиста учить объ эстетическомъ созерцаніи, какъ объ особомъ, интуитивномъ способѣ постиженія вселенной, ея первичной основы, такъ какъ въ послѣдовательномъ атомизмѣ прекрасное сведется къ особой формѣ сочетанія атомовъ. Атомистъ вынужденъ исповѣдывать эстетическій формализмъ. Историкъ эстетики Циммерманъ предлагаетъ слѣдующее общее правило (которое нужно понимать лишь, какъ эмпирическое обобщеніе): философы, которые учили единству міровой основы, такъ сказать втягивали красоту во вселенную, сливали ее съ мірозданіемъ, и поэтому неизбежно должны были перейти къ такъ называемой эстетикѣ „содержанія“; искусство, по ихъ мнѣнію, - откровеніе сущности міра; наоборотъ, философы, признавшіе индивидуальность, разрозненность

элементовъ міра, неизбѣжно сводили красоту къ ф о р м ѣ сочетанія этихъ элементовъ, были формалистами въ эстетикѣ. Такъ и во всѣхъ областяхъ философіи. А если допускается непоследовательность, она тотчасъ же оскорбляетъ наше логическое чувство, напр., непоследовательность Шопенгауэра, который учитъ, что все есть порожденіе слѣпой воли, равнымъ образомъ и тѣло наше, и въ то же время утверждаетъ, что мысль человѣка - порожденіе его мозга. Итакъ мы можемъ сказать, что философія - Стоватряя Фивы, а эстетическое содержаніе - одинъ изъ путей, ведущихъ къ ней.

Но можно ли извлечь изъ философіи прекраснаго какую-либо непосредственную пользу, помимо чисто теоретическаго интереса къ развитію философской мысли, помимо того, что различныя эстетическія направленія являются (подобно различнымъ направленіямъ во всякой другой философской дисциплинѣ) „непреходящими ступенями изысканія истины“? („gradi eterni della ricerca del vero“ Croce, Saggi filosofici, 1910, 10) Этимъ вопросомъ мы касаемся вѣковѣчной распри между художниками и мыслителями. Шеллингъ говоритъ, что только философъ, а не художникъ, можетъ постичь природу прекраснаго и искусства. А Гете пишетъ: - Мендельсонъ и другіе философы хотятъ посадить красоту, точно бабочку на булавку, и разсматривать ее; но они забываютъ при этомъ, что нѣжная цвѣточная пыль осыпается съ крыльевъ, а если даже окраска и сохранится, они будутъ разсматривать не живое созданіе, а трупъ. Одинъ изъ современныхъ эстетиковъ (Paul

Мюсс) говорить, что подобно тому, какъ врачъ, не болѣвшій никогда въ своей жизни, можетъ понимать болѣзни лучше своего паціента, такъ и философъ, лишенный дара художественнаго творчества, можетъ лучше понимать природу его, чѣмъ самъ художникъ. Наоборотъ Германъ Лотце жалуется: - сами мы не пишемъ музыки, а композиторы не могутъ намъ повѣдать, какъ они ее пишутъ, и вотъ проблема творчества остается загадкой. Прекрасное всегда „темно“, какъ говорилъ Гете, оно всегда - сфинксъ; наука, говорятъ многіе, не въ состояніи „разъять“ прекрасное, „какъ трупъ“, прояснить для насъ мистическій, загадочный характеръ художественнаго творчества и наслажденія, не въ состояніи и помочь чѣмъ-либо художнику или облегчить художественное пониманіе зрителю, слушателю. Недаромъ Шиллеръ въ 1802 году, уже охладѣвъ къ философіи, писалъ: „Ежедневно я испытываю, какъ мало поэту въ его творествѣ приносятъ пользы общія чистыя понятія; въ этомъ вовсе не философскомъ настроеніи я иногда готовъ отдать все, что самъ и другіе знаютъ изъ области эстетики, за какое-нибудь эмпирическое указаніе, за какую-либо уловку ремесла“. Извѣстно, что никто не обнаруживаетъ меньшей склонности къ философіи прекраснаго, чѣмъ художники. - Отвѣтъ на такія сомнѣнія можетъ быть данъ только цѣлымъ курсомъ. Предварительно же, мы хотѣли бы подчеркнуть только двѣ мысли: - эстетика научить насъ цѣнить искусство и прекрасное. Эстетика выяснитъ намъ своеобразную, таинственную алогическую природу искусства, „je ne sais quoi“, какъ гово-